Татьяна Николаевна Буданова — пианистка,
профессор кафедры общего курса фортепиано
Петрозаводская государственная
консерватория имени А. К. Глазунова
(Петрозаводск, Россия)
tatjana_budanova@mail.ru

Tatiana N. Budanova — pianist,
Professor of the Department of General Piano Course,
Petrozavodsk State Glazunov Conservatory
(Petrozavodsk, Russia)
tatjana_budanova@mail.ru

УДК 78.071.1
DOI 10.61908/2413-0486.2025.44.4.42-52

АЛЬБЕРТ СЕМЁНОВИЧ ЛЕМАН И ЕГО ШКОЛА

Аннотация

В статье, посвящённой памяти выдающегося музыканта Альберта Семёновича Лемана (1915–1998), отражены студенческие воспоминания о великом педагоге в период его работы в Петрозаводском филиале Ленинградской консерватории. Рассматриваются методические принципы школы Лемана, влияние его необыкновенной личности на формирование профессиональных и человеческих качеств студентов.

Ключевые слова: А. С. Леман, Ленинградская консерватория, Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории, Московская консерватория, М. Ф. Гнесин, Д. Д. Шостакович, Н. И. Голубовская, В. В. Нильсен, Г. В. Свиридов, методика преподавания фортепиано

ALBERT LEHMAN AND HIS SCHOOL

Abstract

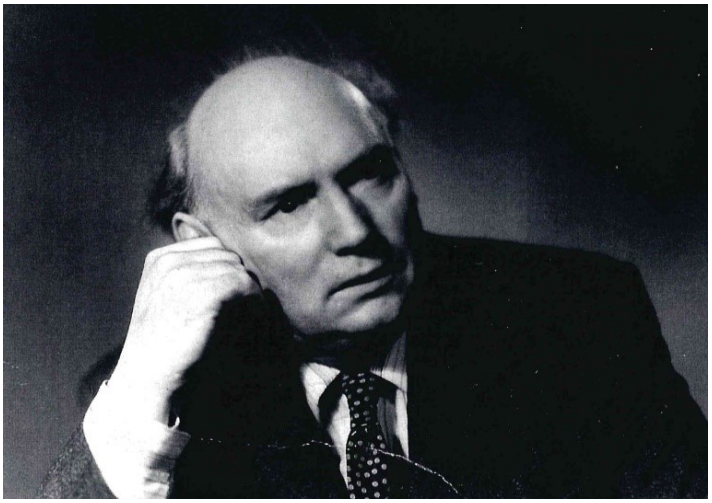
The article, dedicated to the memory of the outstanding musician Albert Semyonovich Lehman (1915–1998), reflects student memories of the great teacher during his work at the Petrozavodsk branch of Leningrad Conservatory. The article examines methodological principles of the Lehman school, the influence of his extraordinary personality on the formation of students' professional and human qualities.

Keywords: A. S. Lehman, Leningrad Conservatory, Petrozavodsk branch of Leningrad Conservatory, Moscow Conservatory, M. F. Gnesin, D. D. Shostakovich, N. I. Golubovskaya, V. V. Nielsen, G. V. Sviridov, methods of teaching piano

В этом году музыкальные вузы России, связанные с деятельностью профессора, народного артиста РСФСР, заслуженного деятеля искусств, лауреата Государственной премии СССР Альберта Семёновича Лемана (фото № 1), традиционно отмечают очередную юбилейную дату — 110-летие со дня его рождения. Прежде всего, это Казань, куда он был выслан во время войны по национальному признаку, и Москва, где он проработал до конца жизни с 1971 по 1998 год.

Фото № 1

Альберт Семёнович Леман. Москва, 1979 год[1]



Имя Альберта Семёновича Лемана, композитора, пианиста, музыковеда, лектора, философа, блестящего оратора и великого педагога, вошло и в историю Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова, которая началась с открытия Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Здесь Альберт Семёнович преподавал 5 лет (с 1968 по 1973 год), приезжая два раза в месяц, как и другие профессора. Он заведовал кафедрой

[1] Все публикуемые фотографии взяты из личного архива автора статьи.

теории и истории музыки, вёл основанный им класс композиции и преподавал на кафедре специального фортепиано, где я была его ученицей. Известный российский музыковед Всеволод Задерацкий свою статью «А. С. Леман. Знаки судьбы и творчества» начал такими словами: «Его имя, известное каждому профессионалу, в современной российской культуре в целом — звучало не слишком громко. Но принадлежало оно человеку необыкновенному. <…> Он жил исключительно ради музыки; безумно ценил жизнь, прежде всего, — за вожделенную возможность творчества и деятельности в пространстве нашего искусства, каковое считал священным предметом, божественной субстанцией, единственной, достойной беззаветного поклонения» [3, с. 45]. Такой оценочный набор очень редко достаётся одному человеку. Появление Лемана в Петрозаводске и в жизни автора этих строк, наверное, было уготовано самой «небесной канцелярией»: поверить в простую случайность труднее.

Альберт Семёнович родился 7 июля 1915 года в семье поволжских немцев[2]. Первым его учителем музыки был отец. В 1940 году Альберт Леман с отличием окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции Михаила Фабиановича Гнесина (ученика Римского-Корсакова и Лядова) и по классу фортепиано у выдающихся педагогов Надежды Иосифовны Голубовской (ученицы Ляпунова) и её ученика Владимира Владимировича Нильсена. По инструментовке занимался в классе Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Своей профессиональной «родословной» Альберт Семёнович гордился и ревностно оберегал её — как продолжатель традиций и как воспитатель «потомков».

Ещё студентом консерватории Леман был принят в Союз композиторов. Одним из тех, кто дал ему рекомендацию, был Шостакович. У них сложились не только творческие, но и дружеские отношения. Альберт Семёнович

[2] Семейные корни Леманов сплетаются в родстве с Я. Беккером — известным мастером фирмы роялей. После 1917 года она была переименована в фабрику «Красный Октябрь».

рассказывал, что до войны они часто музицировали в узком кругу музыкантов, играя переложения симфонической музыки в фортепианном ансамбле. Вспоминал, как в то время всякая попытка Шостаковича «диссонировать» в своих сочинениях привлекала внимание «вышестоящих» музыкальных и немузыкальных чиновников. Леман остроумно называл их «граждане с секундомером».

Консерваторские годы связали многолетней дружбой Альберта Лемана и Георгия Свиридова, они оба занимались в классе Шостаковича. Их сближало сходство мировосприятия, преданность музыке, творческое «горение», болезненное отношение к проблемам культуры, консерваторского образования, искусства в целом. Жизнь отмерила им одинаковую дистанцию — с 1915 по 1998 год.

В семейном архиве автора данных строк хранится дорогая реликвия — том фортепианных сочинений Свиридова, который «передарил» мне Альберт Семёнович после государственного экзамена, на котором я играла Сонату Свиридова, а перед тем выступила с ней в Малом зале имени А. К. Глазунова Ленинградской консерватории на отчётном концерте выпускников филиала. На развороте издания размашистым почерком написано: «Дорогому другу — Альберту Леману. Г. Свиридов. 12 сентября 1972 г. Москва».

Первая встреча с Альбертом Семёновичем «ознаменовалась» разгромным коллоквиумом, определившим высокий уровень нашего (первокурсников) невежества и в музыке и, уж тем более, в широкой области искусства. Это обстоятельство привело нас в полное отчаяние, но заразило духом творческого беспокойства, неуёмным желанием узнать как можно больше, открыть новое в хорошо знакомом. На такой результат и рассчитывал Альберт Семёнович и сразу определил вектор наших устремлений. Попадая в класс Лемана, все студенты сразу оказывались под влиянием необыкновенной, магической личности. Высокая культура, широкий кругозор, колоссальные знания не только в области музыки, искусства, но и в

различных науках, создавали на уроках художественную среду для нашего образования (фото № 2).

Фото № 2

А. С. Леман и Т. Н. Буданова. Петрозаводск, 1984 год

Он настраивал студентов на служение своей профессии, как солдат, давших присягу. Постоянно внушал, что музыкант должен неустанно стремиться к цели все 24 часа в сутки и как губка впитывать в себя всё, что касается творчества и очень часто бывает связано с решением конкретных, а иногда и совершенно неожиданных задач. Ссылался на откровение Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда…»[3]. Поэзию он знал прекрасно и часто подкреплял свою мысль поэтической строкой, постоянно цитировал Пушкина, гения, который, по его словам, «уже тогда всё знал и обо всём написал». От него мы узнали имена Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, известных в то время только в узком кругу.

Методика Лемана продолжала традиции русской фортепианной школы, опирающейся, в первую очередь, на содержательность музыки. Классику он считал основой, школой воспитания во всех отношениях и хорошим «лекарством» от многих проблем. Произведения Баха, Моцарта, Бетховена

[3] Строчки из стихотворения А. Ахматовой «Мне ни к чему одические рати…», входящего в цикл «Тайны ремесла».

были для него божественными откровениями, каждый раз вызывая удивление и восхищение гениальностью мышления, «до которого мы все ещё не доросли». Их мудрость он оберегал от пресловутой «музыкальности», чувственных проявлений, призывал к естественности, идущей от интеллекта, согретого внутренним чувством, часто повторяя библейское изречение: «а что сверх того — то от лукавого».

Игру на рояле он называл мыслительным процессом, сетовал: «Хороших пианистов сейчас очень много, и очень мало среди них интересных музыкантов», с удовольствием и щедростью помогал своим ученикам дослужиться до этого звания, считал его первостепенным. Во время игры постоянно напоминал: у исполнителя должна быть «задумка» на определённую «дистанцию», во время которой эмоции, технический блеск, выразительность деталей следуют *за мыслью*, не отвлекая от неё, не вылезая на первый план, не разрушая логики построения формы. Часто останавливал после первых же тактов, комментируя: «Это — ни о чём, дальше слушать не интересно! Что Вы хотели сказать?». Он требовал концентрации мысли ещё до начала исполнения.

Грамотный разбор деталей музыкального текста (регистров, фактуры, ритмики, артикуляции и т. д.) предполагал их образное осмысление, понимание значимости в контексте всей композиции. На самом раннем этапе работы Леман придавал особое значение живой, говорящей интонации — правильному, с точки зрения языка, произношению звуко-формулы, динамическим и агогическим нюансам. «Технологический парадокс» — разделить произведение на детали, чтобы сделать его цельным, — не отрицался, но в проработке частностей должна была присутствовать связующая мысль, нацеленная на сверхзадачу.

Ткань любого произведения Альберт Семёнович учил рассматривать как оркестровую партитуру, где все партии взаимодействуют и исполняются с одинаковой ответственностью. Когда «горизонтали» не звучали

выразительными линиями, выносил приговор: «Это — просто фактура!». В исполнительстве такое понятие было неприемлемым. Леман-композитор формировал у исполнителя тембровые представления, отмечал характерные особенности звучания инструментов, которые гипотетически могли быть использованы при оркестровке фортепианного сочинения. Удивительно точно и артистично он имитировал голосом звучание фагота в басовой партии.

В пианизме Альберт Семёнович требовал ясного звука, хорошей «дикции», «донного» звукоизвлечения с нужным «удельным весом», определяющим стиль и характер произведения. В поисках необходимого туше советовал поиграть в темноте. В этих условиях не только обостряется слух, но достигается чёткая организация действий за роялем (лишние движения во время игры он считал вредными для исполнителя и отвлекающими слушателя). Пальцы должны работать, как щупальца осьминога, устанавливать контакт с клавишей, подобно электрическому соединению, в результате которого загорается лампочка. В педализации советовал быть смелее, подчёркивая, что «грязь» возникает не столько от смешения гармоний («этого не боялся уже Бетховен!»), сколько от неточно выверенного озвучивания регистров, голосов или нюансировки. Он говорил: «Педаль берётся ушами». Метафоричность его высказываний, образные сравнения, неожиданные аллюзии действовали магически, точно попадали в цель.

Какими бы сложными для нас ни были задачи — а иногда они казались невыполнимыми — Альберт Семёнович всегда успокаивал: «Это трудно, но у вас получится». Он никогда не занимался «причёсыванием» программы к намеченному сроку выступления, считая, что в творчестве нельзя торопиться, как нельзя торопить рождение ребёнка — всему своё время. Предостерегал от преждевременного исполнительства: советовал посидеть на «диете», поработать без инструмента как дирижёр, больше вдумываться, вслушиваться в произведение, подготавливая его смысловую подачу.

В режиме наших ежедневных занятий не всегда удавалось подготовиться дома, в таких случаях Альберт Семёнович заявлял: «Будем работать на уроке, коротким путём», — и путь к результату действительно укорачивался благодаря его педагогическому таланту и природному артистизму.

Работа над конкретным произведением часто увлекала Лемана в глубины музыкальной эстетики, истории, искусствоведения, откуда мы получали бесценную информацию для размышлений и решения возникших проблем. Это был живой и увлекательный разговор с присущим Учителю артистизмом, насыщенный ассоциациями, аллюзиями, яркими воспоминаниями, направленный на то, чтобы разбудить нашу фантазию, расширить творческий горизонт и рамки понимания своей профессии. Природное и интеллектуальное остроумие, «лемановские» остроты оказывали колоссальное воздействие на уроках, превращая кропотливую технологическую работу в занимательный процесс достижения цели. Он мог часами работать над целым комплексом задач «вкупе», по его выражению, считая такой метод единственно правильным и рациональным. Следуя этому принципу, важно было определить рабочий темп, позволяющий по ходу игры успевать осознавать все стоящие задачи и контролировать их точное выполнение.

Сам Альберт Семёнович всегда был в прекрасной пианистической форме. В своё время он много концертировал, держал в памяти огромный фортепианный репертуар, очень много играл на уроках, удивляя концертным качеством исполнения. Каждый раз это был образец раскрытия авторского замысла, продуманности всех музыкальных элементов, тончайшей фразировки, культуры звука, нюансировки и высокого технического владения инструментом. Игру на рояле по ощущениям и получаемому удовольствию он любил сравнивать с рукоделием, а ещё — с целительным рецептом при

плохом самочувствии, уверяя, что это — «самое надёжное лекарство». Цитировал Пастернака: «Я клавишей стаю кормил с руки…»[4].

У него был особый педагогический дар, сверхзадачей для себя он считал воспитание музыканта-мыслителя, для которого музыка — не профессия, а способ существования в жизни, особое мироощущение. Назначение учителя видел в формировании *личности*, в том, чтобы «посеять семена на благодатную почву, которые со временем дали бы нужные всходы».

Леман ненавязчиво проповедовал нам общезначимые ценности, не придавал значения тому, что считал второстепенным. Часто прощал нашу легкомысленность, как правило, остроумно реагируя на неё. Когда в очередной раз слышал обещание сделать невыполненное задание потом, кивал головой, цитируя Грибоедова: «свежо предание...». И вместо ожидаемого продолжения «…но верится с трудом» звучало: «Не бывает *потом*. Бывает только *сейчас*». Много раз Альберт Семёнович проявлял своё участие и в дальнейшей судьбе учеников, заботясь о том, как сложится их будущее.

Встречи с Леманом продолжались и после моего окончания учёбы в Петрозаводском филиале Ленинградской консерватории, но уже в Московской консерватории[5], в её знаменитом 35-м классе, носящем имя Н. Я. Мясковского. Альберт Семёнович всегда был настроен к общению. Каждый раз возникала атмосфера, заражавшая «лемановским» беспокойством по поводу всего происходящего. Он делился своими размышлениями, впечатлениями о событиях музыкальной жизни, водил на концерты, представлял музыкантов, чьи имена были на слуху. Уважительно говорил о своих учениках, оценивая их талант, неповторимую индивидуальность, которую нужно оберегать. С любовью вспоминал Карелию, с её «звучащей музыкой лесных тропинок», повторял: «Как хочется

[4] Первая строчка стихотворения Б. Л. Пастернака «Импровизация».

[5] В Московской консерватории А. С. Леман заведовал кафедрой композиции.

туда возвращаться…». Эти встречи всегда вызывали состояние душевного восторга, которое сохранялось на долгое время (фото № 3).

Фото № 3

Справа налево: А. С. Леман и А. С. Белобородов, выпускник Лемана по классу композиции, на берегу Онежского озера. Петрозаводск, 1984 год

Те, кто тесно сотрудничал с Леманом в Петрозаводске, вспоминают об удивительной атмосфере духовности и интеллектуального напряжения, которую он создавал как генератор творческого духа, обладая многогранным талантом и блестящей эрудицией. Об этом в своих воспоминаниях писали Т. С. Бершадская [1], Н. Ю. Гродницкая [2], Э. И. Седова [4], стоявшие у истоков Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории.

Великим счастьем Альберт Семёнович называл возможность заниматься творчеством, утверждая, что именно в нём смысл жизни, и ничто другое не может его заменить. Очень часто повторял как напутствие: «От творчества не устают, им постоянно заряжаются». Его жизнь явилась ярким подтверждением этих слов.

Литература

1. Бершадская Т. С. В начале было… // Петрозаводская консерватория: очерки истории : сб. ст. / под ред. И. Н. Барановой. Петрозаводск, 2008. С. 14–17.
2. Гродницкая Н. Ю. Большая музыка в маленьком зале // Петрозаводская консерватория: очерки истории : сб. ст. / под ред. И. Н. Барановой. Петрозаводск, 2008. С. 17–21.
3. Задерацкий В. В. А. С. Леман. Знаки судьбы и творчества // Музыкальная академия. 2001. № 3. С. 45–53.

4. Седова Э. И. В союзе искусств (композитор и хор) // Петрозаводская консерватория: очерки истории : сб. ст. / под ред. И. Н. Барановой. Петрозаводск, 2008. С. 114–122.

References

1. Bershadskaja T. S. V nachale bylo… [In the Beginning It Was…]. *Petrozavodskaja konservatorija: ocherki istori i: sb. st.* [Petrozavodsk Conservatory: Essays on History: Collection of Articles]. Ed. by I. N. Baranova. Petrozavodsk, 2008, pp. 14–17. (In Russ.)
2. Grodnickaja N. Ju. Bol'shaja muzyka v malen'kom zale [Big Music in a Small Hall]. *Petrozavodskaja konservatorija: ocherki istori i: sb. st.* [Petrozavodsk Conservatory: Essays on History: Collection of Articles]. Ed. by I. N. Baranova. Petrozavodsk, 2008, pp. 17–21. (In Russ.)
3. Zaderackij V. V. A. S. Leman. Znaki sud'by i tvorchestva [Signs of Fate and Creativity]. *Muzykal'naja akademija* [Music Academy]. 2001. No. 3, pp. 45–53. (In Russ.)
4. Sedova Je. I. V sojuze iskusstv (kompozitor i hor) [In the Union of Arts (Composer and Choir)]. *Petrozavodskaja konservatorija: ocherki istori i: sb. st.* [Petrozavodsk Conservatory: Essays on History: Collection of Articles]. Ed. by I. N. Baranova. Petrozavodsk, 2008, pp. 114–122. (In Russ.)

Получено: 07.10.2025
Принято к публикации: 20.12.2025
Дата публикации: 25.12.2025

Received: 07.10.2025
Accepted: 20.12.2025
Accepted: 25.12.2025